

6. Николаев С.Г. Феноменология билингвизма в творчестве русских поэтов: Онтологические, корреляционные и функциональные характеристики иноязычия в поэзии. Ростов н/Д, 2005.
7. Соссюр Ф., де. Курс общей лингвистики. М., 1933.
8. Лемов А.В. Система, структура и функционирование научного термина (на материале русской лингвистической терминологии): Автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. Н. Новгород, 2000.
9. Булаховский Л.А. Введение в языкознание. Ч. 2. М., 1963.
10. Астен Т.Б. Аналитизм в морфологии имени: когнитивный и прагматический аспекты. Ростов н/Д, 2003.
11. Буянова Л.Ю. Термин как единица логоса. Краснодар, 2002.
12. Поскольку язык науки есть феномен деятельности языковой личности, оценочность вовсе не чужда специальному тексту и научному стилю в целом. Об этом выразительно сказано в повести А.П. Чехова «Черный монах» – в эпизоде, когда Коврин знакомится со статьями ученого-садовода Песоцкого: «У одной (статьи) было такое заглавие: „О промежуточной культуре“, у другой: „Несколько слов по поводу заметки г. Z о переищтыковке почвы под новый сад“, у третьей: „Еще об окулировке спящим глазом“ – и все в таком роде. Но какой непокойный, неровный тон, какой нервный, почти болезненный задор! Вот статья, кажется, с самым мирным заглавием и безразличным содержанием: говорится в ней о русской антоновской яблоне. Но начинает Егор Семенович „*audiat altera pars*“ (пусть выслушают и другую сторону) и кончает „*sapienti sat*“ (умному достаточно), а между этими изречениями целый фонтан разных ядовитых слов по адресу „ученого невежества наших патентованных гг. садоводов, наблюдающих природу с высоты своих кафедр“... „Дело красивое, милое, здоровое, но и тут страсти и война“, – подумал Коврин...»
13. Донец П.Н. К вопросу об исследовательской единице межкультурной коммуникации // Вопросы языкознания. 2004. № 6.
14. Шанский Н.М. Русский язык и телевидение сегодня: (Рецензия на: Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления) // Русский язык в школе. 2004. № 5. С. 100–102.
15. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб., 2004.

Ростовский государственный строительный университет

6 октября 2006 г.

© 2006 г. Г.Г. Курегян

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ ОКСЮМОРОНА

В языке существует еще немало явлений, требующих расширенного исследования, а также в ряде случаев – новаторского рассмотрения. При этом важно верно определить специфику изучаемого объекта, не искажая традиционного понимания и не утрачивая связи с уже сформировавшимся мнением об исследуемом. Именно таким образом, с одной стороны, мы пытаемся увидеть в оксюмороне единицу аналитического типа, а с дру-

гой – сохраняя преемственность взглядов, стилистические свойства оксюморона рассматриваем как вторичные.

Традиционно оксюморон рассматривают как прием, основанный на контрасте и представляющий собой сочетание противоположных по значению лексических единиц. Известная литература по вопросу содержит информацию, связанную с проблемой изучения оксюморона. Как правило, рассматривается лингвистическая природа этого явления, его семантическая структура, стилистическое использование. Оксюморон определяют как «художественно-логический» оборот несочетаемых и противоречивых по смыслу понятий. Компоненты оксюморонных сочетаний объединяются в единое понятие [1–3]. Роль оксюморона видят в следующем: при помощи данной речевой фигуры в художественном тексте достигается комический эффект, в лирическом произведении он передает богатство чувств лирического героя, например, *бездельник деловой, грустная радость*. Оксюморон сближают с понятиями парадокса, иронии, контраста, абсурда; его называют художественно-философским алогизмом [2, 4].

На наш взгляд, представляется интересной проблема определения языкового статуса единиц зоны переходности между языком и речью, узусом, нормой и окказионализацией. В этой связи мы рассматриваем оксюморон как факт номинационного семиозиса и определяем его как единицу номинационно-аналитического типа [5].

Оксюморон по структуре и семантике, с одной стороны, близок составным наименованиям, с другой – фразеологизмам, которые, признаваясь номинативными единицами «неклассического» типа, являются ярчайшим доказательством правомерности синтаксического подхода к номинации. Перечислим некоторые признаки, сближающие оксюморон с фразеологизмами и составными наименованиями:

1. Оксюморон – аналитическое средство выделения денотатов, обладающих противоречивой характеристикой; компоненты оксюморонного сочетания не утрачивают номинативной направленности; второй семантический план обретают оксюмороны, в состав которых входят слова в переносном значении, например: *белый траур черемух* (А. Ахматова).

2. Оксюморонные единицы, с одной стороны, фиксируют существенные признаки отражаемого (*белые ночи*), количество подобных анализем невелико, с другой стороны, им не чужда образность, и некоторые оксюмороны, как и фразеологизмы, ярко характеризуют явления и отношения, например: *ужасно рад*.

3. Слова в структуре оксюморонной единицы, подобно компонентам составных наименований, сохраняют свободное значение. Это качество сближает оксюморон и с фразеологическими сочетаниями и единствами. Оксюморонная единица характеризуется подвижностью.

4. Связи компонентов оксюморонных анализем не противоречат нормам современного языка (здесь пока не учитываем возможные проявления

семантической аномалии, что в какой-то степени характерно и для фразеологизмов, например: *как кот наплакал* и т.п.).

5. Оксюморонные сочетания пополняют фразеологическую базу языка. К оксюморонам-фразеологизмам можно отнести такие употребления, как *ужасно рад, чертовски хороши, добровольно-принудительно* и т.п.

Синтезируя признаки словосочетания, составного наименования и фразеологизма и в то же время сохраняя некую обособленность, оксюморонные сочетания занимают определенное место в цепи номинационных единиц вторичного плана. В ряду таковых оксюморон выступает прежде всего как яркое проявление атрибуции и аналитизма, которые играют немалую роль в динамике номинативного пространства.

Появление аналитических форм в русском языке не случайно, поскольку аналитизм представляет собой область употребления единиц, которые восполняют недостаточность словаря – семантическую, грамматическую (формообразование, словоизменение), синтаксическую, экспрессивно-стилистическую и др. Мы предлагаем рассматривать оксюморон как одну из разновидностей номинационного аналитизма. Оксюморон есть проявление семантического аналитизма, его можно назвать вторичной аналитической формой. Оксюморонные аналитемы возникают на базе определенной синтаксической модели и имеют денотативную соотношенность, при этом оксюморон называет сложный, противоречивый, не всегда доступный однословному обозначению денотат (например: *веселый меланхолик, нежная грусть, праздничная повинность, ложь будет правдой, мирный разбойник, беззвучный крик, томительно-страшное наслаждение, не-гулянье, день был без числа, это будет вчера* и т.п.).

Оксюморон представляет собой знаковую сущность, соотносящуюся с противоречивым денотатом (предметом, явлением, состоянием, отношением), и выражает целостное и сложное понятие. Но здесь возникает вопрос о сфере денотации. Вероятно, это денотация, представляющая собой гипотетическую реальность, которая ассоциируется с реальными моментами. Ее невозможно обозначить прямо, т.е. привычными для нас языковыми единицами, а именно словами. Следовательно, денотативная сфера, которая определяет появление оксюморона, имеет сложный, неоднозначный характер и не «лежит» на поверхности реальности. Здесь можно говорить о «динамической» денотации, которая определяется наличием полярности. Как известно, языковой базой для построения оксюморона служит антонимия. Степень проявления антонимичности позволяет говорить о взаимовлиянии полярности и динамики: чем больше полярность, тем больше динамики, чем меньше полярности, тем меньше динамики.

Поэтому оксюмороны, которые представляют собой соединение наиболее отдаленных понятий, являются наиболее сжатыми, подвижными в области употребления, легко выходят за рамки авторского текста. Например, такие соединения слов, как *«бедный богач», «живой труп», «молодой*

старик», «*взрослый ребенок*» и т.д., ярче отображают денотат, поэтому приобретают характер общеупотребительных.

Прозрачность денотата – причина окказиональности употребления. Окказиональность является одним из признаков оксюморона, но, как уже выяснилось, существуют оксюмороны и общеупотребительные, например, «*живой труп*», «*добровольно-принудительный*», «*чертовски хорош*», «*ужасно красив*» и т.д. Оксюморон объединяет противоположности в смысловом единстве и является лингвистическим знаком с подчинительной основой, где базовое, сильное понятие подчиняет себе слабое. Оксюморонная единица выступает проекцией антонимии и становится знаком денотата, воспринимаемого через полярности. Знаковая материализация денотата определяется соотношением и связью полярных понятий, оксюморон – следующий шаг на пути знаковой материализации денотата. Оксюморон, как и любые знаки, условен. Эта условность позволяет объединить разбедненные в отдельных знаках и противопоставленные денотативные сущности. В составе оксюморона компоненты-антонимы подвергаются лексико-грамматической, либо только грамматической трансформации одного из базовых компонентов.

Номинативная функция этого знака выступает важной функцией единиц языка в речи, характеризующая область их употребления. Оксюморон стоит в ряду этих знаков, причем по структуре он может быть весьма разнообразен – от слова до предложения и даже текстового расподобления. В этой связи выделяются оксюмороны-слова (*не-гулянье, надменно-нежный*), оксюмороны-словосочетания (*грех молитв, ужасно красивый, прекрасная катастрофа*), оксюмороны-предложения (*Дай мне приют, чтоб добраться к себе, Дай немоту, чтоб сказать о Тебе, Дай мне оглохнуть, чтоб слушать Тебя, Дай мне ослепнуть, чтоб видеть Тебя*. Липкин.), оксюморон-текст («*Господин Прохарчин*», «*Гробовщик*»).

Оксюморон характеризуется усложненной семантикой. Исследователи отмечают, что он представляет собой удвоение, обладает характеристикой семантического орнамента. Интерес представляет нестандартная, подчас причудливая взаимосвязь противоположностей (связь противоположных смыслов), когда одно одновременно скрывает и проявляет другое. Значения компонентов оксюморона не просто отражают друг друга, – они тесно связаны, сопричастны. Между ними возникает «скользящий» смысл – своеобразные семантические «качели», движение которых определяется взаимодействием положительного и отрицательного полюсов [6]. Оксюморон интересен как одна из форм семантической аномалии.

Игровая природа рассматриваемого нами явления очевидна. Можно предположить, что оксюмороны восходят к народным стихам-перевертышам и детским «нелепицам», в которых показан нереальный, причудливый мир, кажущийся фантастическим. Например: «*Слепой подглядывает, Глухой подслушивает, Безногий в догон побежал, Немой караул закричал*». Обычно «желанная нелепица достигается в детской песне тем, что неотъ-

емлемые функции предмета *а* навязываются предмету *б*, а функции предмета *б* навязываются предмету *а*». Таким же способом создавались и народные песни-небывальщины [7]. И первые, и последние сближаются прежде всего своей парадоксальностью, которая состоит в сочетании несочетаемого, что выражается игрой слов. Возникающий в тексте оксюморон – это «перевертыш» более высокого уровня, словосочетание, обладающее номинативной функцией. С одной стороны, за ним стоит идея игры и абсурда, а с другой – это один из методов познания мира через язык и один из способов сообщения о нем. Оксюморон – это порождение живой речи и результат осмысления действительности не одним человеком, а целым народом, что говорит в пользу того, что перед нами не просто явление семантической аномалии, а лингвистический факт, освоенный носителями языка. Обозначение денотата через нестандартную номинацию типа оксюморона не случайно, а существование речевых фактов типа потешек, перевертышей и т.д. говорит о том, что стремление к подобному наименованию лежит в народных корнях и не противоречит народному сознанию.

Рассматривая прагматику оксюморона, мы учитываем, с одной стороны, его традиционное понимание как стилистического приема, а также принимаем во внимание тот факт, что оксюморон выступает в качестве аналитической номинационной единицы, обнаруживающей себя преимущественно в художественном тексте и разговорной речи. Данные области речевого употребления дают нам основание в качестве основных функций оксюморона выделить следующие: номинативную, «воспроизводящую» (образно-креативную), стилистическую (эмотивную), метафорическую (функция контрастного переосмысления; оксюмороны типа *белый траур черемух, цветы, зажженные дождем*), текстоорганизующую (дистрибутивную), когнитивную (новое знание о денотате).

Каждое из указанных употреблений предполагает решение ряда частных функциональных задач, которые представлены в оксюморе в совокупности, находятся в своеобразном семантическом равновесии, причем одна не может заменять другую или быть вытеснена другой. Иначе говоря, оксюморон одновременно «называет», «познает», «создает» и «украшает».

Основные функции оксюморонных единиц раскрываются в языке художественной литературы и в разговорной речи. Это вполне объяснимо, поскольку именно данные стилевые узусы характеризуются большим лингвопрагматическим потенциалом.

Лингвистические возможности, открывающиеся перед пишущим и говорящим в плане организации номинационного пространства высказывания (текста), носят субъективно ощущаемый характер и относительно безграничны. Оксюморон как номинационная единица обобщает в себе как опыт творящего текст, так и опыт носителей языка. Языковая личность стремится к выбору наименования, которое становится (с ее точки зрения) единственно верным и точным, адекватным действительному денотату

(предмету, состоянию, отношению и т.д.). Амбивалентность последнего определяет авторский поиск в сфере номинации, когда в соответствии с потребностями коммуникации намечается денотат, определяется объем его внутренней формы и в тексте выбираются средства выражения денотата [5]. Тем самым мы наблюдаем антропогенный характер употребления оксюморонного знака. Выбирая наиболее четкую языковую форму отражения внутреннего мира, говорящий или пишущий обнаруживает ее в нестандартной номинации, в частности в сочетаниях оксюморонного типа. Здесь мы сталкиваемся с фактами вторичной номинации. Семиозис вторичного характера, ведущий к образованию оксюморонных единиц, происходит в дискурсе, когда в сотворении текстовых отрезков номинационного типа участвует языковая личность (автор, говорящий). Это значит следующее: оксюмороны как речевые отрезки амбивалентны: синергетика текста (язык) взаимодействует с энергетикой говорящего, их создающего как воспроизводящего речь, и это взаимодействие определяет экспрессивный эффект. Оксюморон выступает прежде всего как одна из форм организации высказывания, как способ нестандартной номинации, возникая вследствие «насыщения» словаря за счет текста.

Авторы стремятся максимально распознать мир именно через художественный текст. По своей сути язык художественного текста выступает определенной художественной моделью мира. Ю.М. Лотман, рассматривая композицию словесного художественного произведения, отмечает, что рамка литературного произведения состоит из двух элементов: начала и конца, и моделирующая роль этих категорий непосредственно связана с наиболее общими культурными моделями, что основными моментами бытия в культурных моделях разного типа выступают рождение или смерть, в результате возникают сюжеты типа «Рождение человека», «Три смерти», «Смерть Ивана Ильича» [8].

Появление оксюморона в тексте обусловлено также структурой последнего. Здесь уместно говорить об оксюморонном тексте, рамки которого подвижны и в котором понятия «начало» и «конец» во многом условны и относительны. Не всегда рождение человека (а здесь мы имеем в виду не только физическое появление на свет, но и духовное становление – рождение души, ее обновление) соотносится с началом художественного текста и, как правило, переносится в конец повествования. Смерть (физическая или духовная) представлена в начале текста, иногда воплощается уже в заголовке (названия типа «Гробовщик», «Кавказский пленник» – плен для героя равносильен смерти, – «Смерть Ивана Ильича» и др.) Это первая структура оксюморонного повествования. В иных случаях мы наблюдаем своеобразное «скольжение» в текстовом пространстве ключевых моделей – *рождение* и *смерть* и последующее их столкновение, которое может иметь место как в начале, так и в конце текста. Все это («блуждания» ключевых моделей) свидетельствует о том, что структура оксюморонного повество-

вания несколько повернута и имеет скользящий характер, а сюжет движется наоборот, вопреки общему ходу событий, который представлен следующим поясом: рождение – жизненный путь – смерть. В оксюморонном тексте этот пояс выглядит иначе и имеет такие модификации: *смерть – рождение – жизненный путь*; *жизненный путь – смерть – рождение*; *жизненный путь – смерть \ рождение – жизненный путь*. Третья модель предполагает столкновение понятий в центре повествования, и в текстах такого типа вероятно проявление оксюморонной номинации. Это ярко видим в пушкинском «Гробовщике», в «Кавказском пленнике» Толстого, в «Преступлении и наказании», в «Герое нашего времени», в «Веселых похоронах» Л. Улицкой, «Белых одеждах» В. Дудинцева и др.

Наличие в языке таких сочетаний, как оксюморон, обусловлено спецификой языка как формы организации и воплощения человеческого сознания. Оксюморонное сочетание говорит о нестандартном осмыслении действительности в сложном знаке. Оксюморон – это одна из антропогенных форм преодоления противоречий через язык, гармоничная микроструктура, для которой характерно взаимное соответствие ее составляющих.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
2. Пронин А. Оксюморон // Сура. Пенза, 1999. № 5. С. 200–202.
3. Фомина, М.И. Современный русский язык. Лексикология: Учеб. для филол. спец. вузов. 3-е изд., испр. и доп. М., 1900.
4. Шестакова Э.Г. Функции и структура оксюморонов в поэтике А.С. Пушкина. М., 1994. Деп. в ИНИОН РАН, 1994.
5. Буров А.А. Субстантивная синтаксическая номинация в русском языке: Автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. Ставрополь, 2000.
6. Лохманн Р. К поэтике оксюморона (на примере стихотворения Даниэля Наборовского «Krotkosc zywota») // Лотмановский сборник. М., 1997. С. 58–69.
7. Чуковский К.И. От двух до пяти // Чуковский К.И. Соч.: В 2 т. М., 1990. С. 73–402.
8. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Об искусстве. СПб., 2000. С. 14–281.

Пятигорский государственный лингвистический университет

3 октября 2006 г.

© 2006 г. М.Ю. Семенова

СЛОВАРЬ АНГЛИЦИЗМОВ: СТРУКТУРА, ПРИНЦИПЫ СОСТАВЛЕНИЯ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ, СООТНОШЕНИЕ С ДРУГИМИ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИМИ ИСТОЧНИКАМИ

Исследователи, занимающиеся иноязычной лексикой, предпочитают изучать ее как нечто цельное и неделимое, хотя очевидно, что слова, происходящие из разных языков, обладают разными особенностями. Тем не